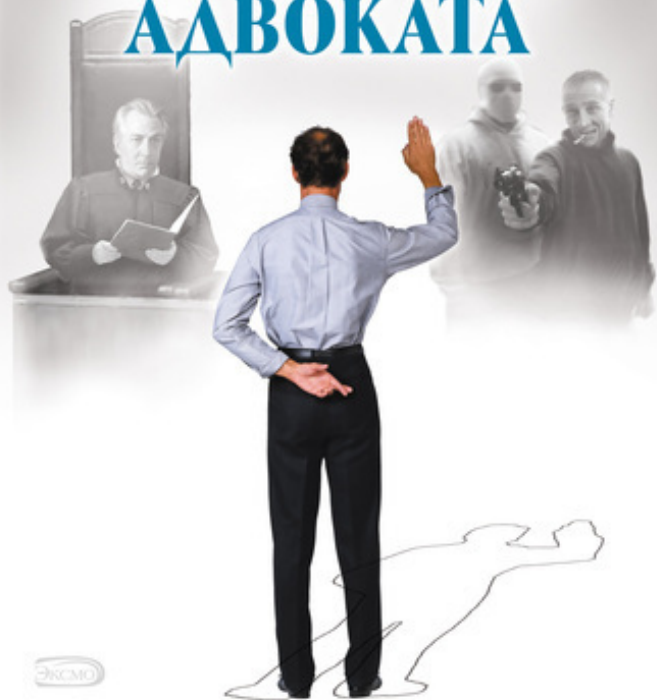

А Д В О К А Т С К О Е Б Ю Р О

Валерий КАРЫШЕВ
& партнеры

ЗАПИСКИ БАНДИТСКОГО АДВОКАТА

Валерий Михайлович Карышев

Записки бандитского адвоката

Серия «Адвокатский роман»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165077
Записки бандитского адвоката: Эксмо; М.:; 2008
ISBN 978-5-699-28189-3

Аннотация

Пройти по тонкой грани – вот искусство адвоката. С одной стороны – преступники, готовые на все, чтобы избежать кары. С другой – сотрудники карательных органов. Обе стороны ненавидят друг друга. Адвокат – между ними... Валерий Карышев, известный адвокат, рассказывает о сложностях и опасностях своей профессии. Его клиентами были самые разные люди – от легендарного киллера Солоника до безвестной женщины-врача, попавшей в сложную передрагу. Ему угрожала братва, за ним следила ФСБ, не раз его жизнь висела на волоске. Хитроумные ловушки, жесткий прессинг, прямой шантаж ждут адвоката на его тернистом пути. И лишь путеводная звезда закона помогает ему уверенно проложить маршрут меж двух огней...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	9
Глава вторая	14
В духе «Московского эксперимента»	18
Эффект убийства Листьева, или конфискация креста	21
В итоге – отставка	27
Встреча в банке	30
Рэкетирское прошлое Лени К.	32
Выколачивание долгов	38
Взлет банковского дела	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерий Карышев

Записки бандитского адвоката

Пролог

Москва, октябрь 1996

Это был мой обычный рабочий день. Утром слушание очередного уголовного дела. Потом – обед, а после окончания судебного заседания я решил съездить в следственный изолятор – «Матросская тишина» – к своему новому клиенту, Кириллу.

Свидание с ним прошло быстро, а когда я уже собирался уходить, Кирилл тихо сказал:

– Не могли бы вы встретиться с моими компаньонами Олегом и Василием и передать им, что я здесь на киче, а бумаги по бизнесу я успел передать брату? Они все поймут. И еще – пусть будут осторожны, ими опера сильно интересуются. И сами будьте начеку, за вами могут следить.

– Да ладно, за мной столько было хвостов, наружку легко вычислю, – ответил я.

Выйдя из СИЗО, я сел в свою машину. Проехав несколь-

ко метров, резко развернулся и поехал в обратную сторону, внимательно посматривая в зеркало заднего вида.

Все было спокойно. В этот момент у меня зазвонил мобильник.

– Здравствуйте. Это Олег. Вы были у нашего друга?

– Да, – ответил я. – Только что.

– Может, сейчас встретимся на старом месте?

– Нет. Сейчас не могу. Нужно заехать в офис. Давайте через два часа на новом месте, под глобусом.

– Можно и там. Будем ждать, – сказал Олег и отключился.

Встреча должна была состояться в одном из кафе, находящемся в районе Нового Арбата. Подъехав к кафе, я сразу понял, что друзья моего клиента меня уже ждут. Перед входом на тротуаре стояло несколько иномарок, около них находилось несколько парней крепкого телосложения с рациями. Я вошел в зал. Он был пуст, и только за одним столиком сидели два парня. Это были Олег и Василий. На столике у них стояли две портативные рации. «Молодцы, берегут себя», – подумал я.

Мы сделали заказ, и я стал рассказывать о нашей встрече с клиентом.

Впоследствии я узнал, что Кирилл – коммерсант, который работал на деньгах Олега и Василия. А сами Олег и Василий – лидеры двух разных группировок, решившие совместно провести одну коммерческую операцию.

Когда обед был закончен, все вопросы решены и мы хоте-

ли было уходить, заработала одна из раций:

– Олег, здесь какая-то непонятка. То ли менты, то ли братва подтянулась. Чего нам делать?

– Так кто конкретно?

– Вроде не менты.

– Тогда стойте, где стоите. Пусть двое наших в зал к нам подойдут. Только пустыми. Понял?

– Понял. Уже идем.

Через несколько минут в пустой зал неожиданно вошли четверо или пятеро коротко стриженных здоровых ребят. Увидев моих клиентов, они радостно замахали руками: привет, братва! Все направились к нашему столику. Увидев мой встревоженный взгляд, Олег сказал:

– Это казанцы. Они с нами в дружбе.

Неожиданно вслед за казанцами быстро вошли несколько человек в гражданской одежде, с пистолетами в руках и приказали:

– Братва, стоять! Это РУОП!

Знакомых моих выстроили вдоль стены, заставив встать, подняв руки и широко расставив ноги.

Сотрудники РУОПа стали их обыскивать, а двое направились к нашему столику.

– Слушай, что делать? Я в розыске, – сказал мне Олег.

У меня возникло ощущение страха. Во-первых, место нашей встречи выбрал я. Кроме того, могло возникнуть подозрение, что я просто сдал своих клиентов.

Подойдя к нам, один из сотрудников РУОПа попросил предъявить документы. Олег достал права со своей фотографией, Василий – именной пропуск в модный ночной клуб.

Руоповец молча взял документы и стал рассматривать их, всем видом давая понять, что это не документы. Тогда я достал свое адвокатское удостоверение и уверенным голосом сказал:

– Эти люди со мной! Они мои клиенты.

– Все понятно, нет проблем, – сказал оперативный работник. – Можете быть свободны.

Мы быстро покинули зал. Мои клиенты явно были рады. Я поинтересовался:

– Это за вами?

– Да нет. Скорее всего, это казанских отслеживали. Мы завтра позвоним, узнаем, как у них дела, – сказал Олег.

– Вот видите, как получилось! – произнес я. – Я очень боялся, что вас задержат и что вы можете подумать на меня...

– Да что вы! Мы вам доверяем! Напротив, мы вас с удовольствием возили бы с собой на подобные встречи, раз ваше магическое удостоверение так действует на них!

– Нет, такие встречи мне больше не нужны! – отшутился я. – С меня и одной хватит!

Но зарекаться было рано.

В январе 1997 года Василия расстреляют в ста метрах от Петровки по приказу Олега. Сам Олег сможет избежать ареста и скрыться за границей, но позже его депортируют в Рос-

сию и поместят в следственный изолятор, где он будет убит сокамерниками. Мне же придется пережить слезки, обыск и несколько допросов. Но это все позже...

Глава первая

«Публику я защищал лихую»

– ...Вы давно у нас «под колпаком», и ваши телефонные переговоры и встречи мы контролируем. Есть видеозаписи, которые свидетельствуют о ваших связях с организованной преступностью...

Вот так-то, ни более ни менее. И услышал я такой себе «приговор» от руповца во время моего первого и, к сожалению, не последнего допроса в сером здании на Шаболовке.

– Надеюсь, вы не станете отрицать этого факта? – продолжил следователь.

– Да, я в самом деле связан с организованной преступностью. – И я выдержал паузу, вглядываясь в следователя и оперативников, присутствовавших в кабинете. – Да, связан настолько же, насколько и вы, такая уж у нас с вами профессия...

– Нечего нам голову морочить, каждый оперативник знает, что вы числитесь в «черных списках» всех наших спецслужб как «бандитский адвокат»...

После нескольких часов профилактической беседы с руповцами я сделал для себя любопытное открытие: по мнению правоохранительных органов, я, оказывается, «бандитский адвокат», обслуживающий киллеров и рэкетиров.

Спустя некоторое время я уточнил у знакомого фээсбэшника, что у спецслужб, ведущих борьбу с организованной преступностью, действительно имеется «черный список» адвокатов, защищающих лидеров криминального мира. Список небольшой, всего 12—14 имен, а моей скромной персоне отводилось место аж в первых рядах.

Да что там сотрудники органов, люди гражданские тоже всякий раз спрашивают: как же вы можете защищать заведомых негодяев? И всякий раз если и не отвечаешь, то невольно думаешь: ну почему никто не спрашивает врача-проктолога, как он может каждый день заглядывать в десятки человеческих задниц? Да, публику я защищал лихую. Но почему так огульно – негодяев, да еще заведомых? А почему не просто людей, оступившихся и оказавшихся на скамье подсудимых и, по сути, ничем не отличающихся от других? Во всяком случае, для нас, для адвокатов. Обвиняемый оказывается одинок перед обществом, государством, законом – и особенно остро нуждается в поддержке и защите, независимо от того, как и чем он провинился. Адвокат не только по роду своей службы, но и как человек, пожалуй, становится для него единственной опорой, той самой соломинкой... Напрашивается еще одно сравнение. Священник ведь готов выслушать любую исповедь, любое раскаяние и независимо от степени прегрешения помочь человеку облегчить душу.

Конечно, опасна адвокатская наша профессия. И подспудно, и осознанно постоянно чувствуешь, что находишься на

границе между государством и криминалитетом. И не слишком комфортно жить между этими баррикадами, придерживаясь и буквы закона, и выполняя своего рода гуманную миссию. При этом всегда помнишь, что надо соблюдать равновесие.

Так что же в таком случае подтолкнуло меня «расколоться» да написать свои современные мемуары?

Моих подзащитных правоохранительные органы, а с их подачи и вы, дорогие читатели, причисляете к ворам в законе, авторитетам, боевикам, рэкетирам, то есть к представителям так называемой организованной преступности. Статей, книг, фильмов о них более чем достаточно. Однако жизнь и деяния их, как мне кажется, высвечены несколько однобоко и отстраненно, недостает хотя бы чуточку иного взгляда, а голосов или хотя бы отголосков «оттуда», с другой стороны баррикад, почти не слышно. Каковы же реалии, нормы, понятия, законы, по которым живет преступный мир? Ведь с образом так называемых мафиози ассоциируются не только «Мерседесы», виллы, фотомодели, казино и рестораны, но и СИЗО, контрольный выстрел в затылок, короткая жизнь, которую они сами выбирают...

Нет, я не задаюсь целью ни оправдать, ни возвести в герои братву. Но хотим мы того или нет, она существует рядом с нами. И отрешиваться от нее или даже только охаивать, пожалуй, бессмысленно. Узнать же чуть больше о тех, кто, переступив черту, оказался вне закона, по-моему, значит в

какой-то мере самим разобраться и в реалиях нашей с вами действительности, а может, и в собственной жизни.

Как-то в Бутырке я подарил одному из моих клиентов книгу Николая Модестова «Москва бандитская». Вскоре ею заинтересовались и другие мои подзащитные, и я невольно стал участником своеобразной «читательской конференции» в стенах СИЗО – ее обсуждали те, о ком она была написана. Там же, в Бутырке, один из клиентов, известный вор в законе, во время нашей встречи «просвещал» меня своими размышлениями о преступности, ее роли в обществе и государстве. Признаться, я ловил себя на том, что в его откровениях для меня было немало открытий. Неожиданно к концу беседы законник сказал:

– А ты возьми и напиши про нашу жизнь без прикрас, о том, какая она непростая, опасная, как нам несладко приходится. Пусть «изнутри» о нас узнают...

Подобные диспуты и постоянное общение с представителями преступного мира спровоцировали меня на то, чтобы сесть за книгу и рассказать о современной криминальной жизни. Разумеется, так, как вижу ее я, глядя с собственной колокольни адвокатской практики.

Сразу оговорюсь и внесу некоторые юридические коррективы. Я оказывал правовую помощь группировкам и их представителям, но если в ходе расследования конкретного дела и решением суда они не признавались виновными, то я не вправе относить их к организованным преступным груп-

пировкам. Поэтому буду называть их московскими группировками.

И еще одно уточнение. Когда адвокат приступает к работе с людьми, принадлежащими к той или иной группировке, то никогда клиент не является к нему с заявлением о своем «статусе», дескать, я такой-то авторитет, занимаю такое-то положение в своей бандитской иерархии, у меня такой-то список преступлений и прочее. К адвокату обращаются, рассчитывая на его помощь по какому-то конкретному делу. Общего посвящения адвоката в так называемую криминальную политику с их слов не происходит. Разумеется, в процессе работы с клиентами я получаю о них дополнительную информацию из материалов уголовного дела, из всевозможных справок, предоставляемых правоохранительными органами, из источников в той среде, с которой клиенты контактируют. Сведения эти, как правило, появляются уже позже, причем большей частью известны с чужих слов, не проверены, одним словом, не могут служить основанием для использования их следственными и судебными органами.

Глава вторая

Криминальный бизнес, или организованная преступность, – еще одна власть?

В России действуют сегодня четыре власти: законодательная, судебная, исполнительная и информационная. Но многие поговаривают, что в начале и середине 90-х функционировала еще и пятая власть – криминальная. Она, по мнению специалистов, занимает отнюдь не последнее, пятое, место, а может, и промежуточное: между первой и второй. На самом деле организованная преступность существует во многих странах мира, и наше государство не исключение. Более того, наша страна переживала тяжелый период становления нового государства, в процессе которого дали о себе знать старые и вновь появившиеся «червоточины» общества.

В конце 1997 года тогдашний министр МВД РФ Анатолий Куликов направил президенту России закрытое письмо об организованной преступности. Оно носило пессимистический характер. В частности, по словам министра, МВД располагает данными о 16 тысячах преступных организаций, а также о 60 тысячах лиц, которые с ними тесно связаны. Однако представители правоохранительных органов часто го-

воят, что им все хорошо известно об организованных преступных сообществах. Они знают их количественный состав, ведут специальную поименную картотеку с фотографиями, обладают информацией о виде деятельности той или иной группировки, об их подшефных коммерческих структурах. Однако ликвидировать эти сообщества они не могут, ссылаясь на отсутствие необходимой законодательной базы. Таким образом, напрашивается вывод: в стране правоохранительные органы не борются с преступными сообществами, а занимаются лишь наблюдением за их деятельностью.

В повседневности понятие организованной преступности ассоциируется с действующей бандой молодых, коротко стриженных ребят, увешанных золотыми цепями, то есть с деятельностью рэкетиров. Но не так часто услышишь о том, что существует так называемая организованная преступность белых воротничков. Недавно, по данным Центрального разведывательного управления, стало известно, что в России более 10 крупнейших банков занимаются преступной деятельностью, а в теневой экономике производится от 30 до 40 процентов валового национального продукта.

Так сказать, на бумаге, в законодательном порядке борьба с организованной преступностью была сформулирована в знаменитом президентском Указе от 14 июня 1994 года. Указ по борьбе с организованной преступностью давал широкие возможности работникам милиции: в частности, право задерживать на 30 суток подозреваемых в соверше-

нии преступлений без предъявления им обвинения. Это, по крайней мере, противоречило принципу «презумпции невиновности», не говоря уже о том, что наши законодатели не удосужились разобраться в определениях и терминах. Или хотя бы в том, что такое организованная преступность. И пока года три действовал этот пресловутый указ, впоследствии, конечно, отмененный, люди пережили немало тяжелых, тревожных дней...

Преступный мир чутко реагирует на изменения в политике и тактике государственной борьбы с ним. Помнится, летом 1996 года криминальный мир буквально испытал шок, когда на всю страну был брошен знаменитый клич: «Бойтесь!» Вскоре после президентских выборов в июле 1996 года отставной генерал Александр Лебедь, широко известный своей молдавской эпопеей, был неожиданно назначен секретарем Совета Безопасности с широчайшими полномочиями. Помимо основной деятельности, которая сводилась к урегулированию чеченского конфликта, Лебедь неожиданно для всех стал заниматься борьбой с организованной преступностью.

В то время генерал Лебедь стал часто встречаться с другим генералом – Владимиром Рушайло, тогдашним начальником Московского РУОПа. Впоследствии Лебедь, давая очередные интервью, не раз говорил о том, что в течение короткого времени он может полностью ликвидировать преступность, для начала в Москве. И как гром среди ясного

неба подписывается указ, в дополнение к уже существующему, – о борьбе с организованной преступностью в Москве и Московской области. На самом деле, как потом ходили слухи, лебедевский указ являлся лишь основной базой для специального комплекса жестких профилактических мер, условно названного «Московским экспериментом» и проводимого в Москве и Московской области во время борьбы с организованной преступностью. Естественно, об этом узнали представители братвы, и очень многие мои клиенты стали названивать мне, предлагая встретиться и обсудить указ Лебеда: неужели может заработать мясорубка репрессий, перемалывая всех подряд без разбора? Может быть, спрашивали они, лучше пока уехать из страны? (Кстати, многие уголовные авторитеты тогда поспешно выехали за бугор.) Практически всех охватил страх, замешательство и нерешительность. Мне ничего не оставалось, как по просьбе клиентов ознакомиться с текстом указа.

Благодаря знакомым в Государственной Думе РФ через несколько дней указ был у меня на столе. Ничего особенно нового в нем не было, но я знал о существовании специального, закрытого секретного приложения к указу, в котором, очевидно, и расшифровывалась его суть. В чем она заключалась, теперь уже трудно говорить, но случай, который произошел с моими клиентами, в какой-то мере, наверное, сможет проиллюстрировать этот документ:

В духе «Московского эксперимента»

Однажды задержали двух моих клиентов. Сразу же после задержания их вывезли в пригородный район Москвы. Спецназовцы достали из своих машин лопаты и заставили клиентов рыть ямы. Когда парни спросили, а, собственно, для чего это нужно копать, спецназовцы ответили: «Ясное дело, для могил, мы вас сейчас расстреливать будем». Затем потребовали подписать чистосердечное признание в их принадлежности к одному из бандитских формирований Москвы. В случае же отказа, пообещали спецназовцы, их расстреляют, закопают и спишут все на мафиозную разборку.

Парней подвели к ямам, спецназовцы передернули затворы, и раздались выстрелы. Но патроны были холостые. Однако можно представить состояние задержанных после такого эксперимента!

Конечно, никаких доказательств проведенной акции нет. Вероятно, работники милиции отрицали бы свою причастность к ней. Но возникает вопрос: зачем было моим клиентам придумывать эту историю?

Спустя некоторое время я тоже попал в число жертв «эксперимента».

Через два месяца один из московских бизнесменов пригласил меня на день рождения, который проходил в фешенебельном московском ресторане. В отдельном банкетном зале

собралось человек 50—60. В основном – бизнесмены, но не исключено, что и представители их «крыш».

Праздник проходил весело, гости все прибывали. Вошел мужчина в обыкновенном сером костюме. Лицо его показалось мне очень знакомым. Я спросил у бизнесмена:

– Кто это?

– Ну как же! Вы должны его знать. Сотрудник одного из московских изоляторов.

Да, я не раз его видел, только в военной форме.

Замелькали и другие знакомые мне люди. Все входили шумно, с подарками, желали всяких благ юбиляру.

В разгар вечера двери ресторана резко распахнулись, и в зал вошли человек 10—12.

– Всем оставаться на местах! РУОП!

Естественно, за столами мгновенно воцарилась тишина. Сразу несколько сотрудников отвели мужчин и женщин к стене, стали проверять документы и проводить личный досмотр. Ни у кого ничего не нашли. Забрали только одного человека, который находился в розыске. Для всех остальных эта процедура завершилась благополучно.

Через несколько дней я узнал, что у другого моего знакомого бизнесмена, который открыл пиццерию и по такому случаю собрал шумную компанию бизнесменов, тоже побывал РУОП. Положили всех на пол, обыскали и покинули помещение. Слава богу, при этом никто не пострадал, никого не забрали, ничего не разрушили, ничего не украли. Хотя

бывали, конечно, и другие финалы.

Эффект убийства Листьева, или конфискация креста

Надо сказать, что бурный подъем и крупномасштабные операции в борьбе с криминальным миром имели место еще до начала «Московского эксперимента». Волна арестов, шмонов, задержаний, обысков в казино, ночных клубах, проверок машин на трассах прошла весной 1995 года, когда в подъезде своего дома был убит известный тележурналист Владислав Листьев. В свое время это была довольно широкая кампания. Расследованием убийства занималась специальная бригада. Для профилактики мэр Москвы распорядился закрыть многие казино. А перед закрытием в Москву для наведения порядка были вызваны подразделения ОМО-На из разных городов. Чуть ли не триста человек признались в убийстве. По первоначальной версии основными подозреваемыми в убийстве Листьева были представители солнцевской группировки.

Впоследствии версия эта провалилась. Основанием для нее послужила оперативная информация о сходняке солнцевских авторитетов, на котором обсуждали вопросы, связанные с рекламным телевизионным бизнесом на ОРТ. Кроме того, стало известно, что один из телохранителей Сергея Михайлова (Михася), которого правоохранительные органы считали лидером солнцевской ОПГ, дал показания на своего

шефа по поводу причастности его к некоторым преступлениям, в том числе и к убийству Листьева.

В конце августа 1995 года против солнцевских проводилась операция под условным названием «Закат», в которой участвовали ведущие подразделения РУОПа, МУРа, ГУОПа, ОМОНа.

Было задействовано 500 милиционеров. Задержано 23 солнцевских боевика. Но это была капля в море, потому что, как я впоследствии узнал, произошла утечка информации, и большинство членов солнцевской группировки были предупреждены о готовящейся операции и заблаговременно покинули квартиры и офисы. Тем не менее операция «Закат» для многих все же была внезапной.

Мои клиенты рассказывали мне немало подробностей о тех днях, когда после убийства Листьева в Москве выполнялись профилактические действия: омоновцы врываются в помещения, клали всех на пол, избивали, срывали золотые украшения, часы. Так, однажды ко мне в консультацию приехал Сергей Ч. По рекомендации моих клиентов он обратился ко мне за помощью.

Сергей Ч. с друзьями ехал на своем джипе. Неожиданно их подрезал милицейский внедорожник, и из него выскочили пятеро или шестеро человек в камуфляжной форме, в масках, с автоматами.

– Не говоря ни слова, они вытащили нас из машины, – вспоминал Сергей Ч., – заставили сначала упереться руками

в капот, затем расставить широко ноги, а после этого просто положили в грязь и стали избивать. Устроили шмон в машине. У нас там ничего не было, хотя омоновцы вполне могли подложить нам оружие или наркотики. Но, видно, они преследовали совсем другую цель. Наспех избили нас, обыскали, естественно, у них не было на это никаких санкций, изъяли крупные суммы денег, у многих сняли часы. У меня тоже взяли золотые часы «Картье» стоимостью двадцать тысяч долларов. Но самое главное, с меня сняли золотой крест – подарок близкого друга.

И Сергей очень просил меня найти этот ОМОН или СОБР и вернуть хотя бы крест.

Через несколько дней мне удалось с помощью моих знакомых узнать, что в тот день на Ленинском проспекте дежурили рязанские омоновцы. Они находились на специальной базе московского СОБРа, что в Большом Каретном переулке.

Мы с Сергеем отправились туда. Надо сказать, что Сергей был человеком не робкого десятка, но, направляясь со мной на базу СОБРа, чувствовал себя не особо уверенно.

Мы остановились и стали наблюдать. Вскоре к нам подошли три здоровых бойца в камуфляжной форме и поинтересовались, что мы тут делаем и что нам надо.

– А в чем, собственно, проблемы? – спросили мы.

– Тут территория режимной организации. Предъявите свои документы.

Мое адвокатское удостоверение, по всей видимости, по-

действовало, и представители ОМОНа сменили тон.

Я спросил, как мне повидаться с их руководством. Они провели меня к своему начальнику, рослому майору в камуфляжной форме. Я представился и изложил суть дела. Милицейский майор сделал удивленные глаза.

– Во-первых, откуда вы знаете, что именно наши ребята сорвали с него крест? А во-вторых, может, ваш подзащитный придумал эту версию?

– Видите ли, – ответил я, – мой подзащитный хорошо рассмотрел нашивки рязанского ОМОНа у одного из бойцов. А придумывать, что у него отняли золотой крест, и совершенно безосновательно обвинять работников милиции ему нет никакого смысла.

– Хорошо, я постараюсь выяснить, – сказал майор. – Опознание проводить мы не имеем права, поскольку все работники СОБРа являются засекреченными сотрудниками. Наверное, оснований к возбуждению уголовного дела нет.

– Да, конечно, – ответил я, – пока мы не хотели бы возбуждать уголовного дела. Думаю, что вопрос можно решить мирным способом.

– Конечно. Если вещи действительно отобрали, то мы найдем все, вернем и накажем провинившегося сотрудника. Дайте описание креста.

Сергей взял лист бумаги и стал подробно записывать основные приметы золотого креста. Я оставил свой телефон, и мы благополучно покинули здание СОБРа.

Особой надежды на успех нашей миссии у нас не было. Мы думали, что, скорее всего, майор подготовит какую-либо бумагу, указывающую, что наши требования совершенно безосновательны.

Через три-четыре дня раздался телефонный звонок и представившийся мне майор милиции попросил приехать в СОБР.

Дорога к Большому Каретному переулку была нелегкой, Сергей волновался и то и дело спрашивал:

– А вдруг нас сейчас закроют? А вдруг спровоцируют? Вдруг что-то подложат или просто побьют?

Я всячески старался его успокоить:

– Не бойся, я же твой адвокат, у нас имеются соответствующие документы. Не думаю, что они на это пойдут.

– А мы могли бы на всякий случай как-то подстраховаться?

– Конечно.

Я набрал номер своей консультации и сообщил дежурному адвокату, что еду сейчас в штаб-квартиру СОБРа в Большом Каретном переулке на встречу с майором имярек. А также попросил принять соответствующие меры, если я в течение часа не перезвоню. Это немного успокоило Сергея Ч.

Мы въехали во двор СОБРа. Небольшой трехэтажный особнячок был окружен со всех сторон вырытыми канавами, видимо, прокладывались какие-то коммуникации. Я удивился: как же так – СОБР, который должен быстро реагировать,

моментально выезжать, лишен, выходит, этой возможности. Но такова, видимо, наша неискоренимая русская бесхозяйственность.

Мы вошли в кабинет. Майор, улыбаясь, протянул нам небольшой пакет. Раскрыв его, мы увидели массивный золотой крест.

– Вот видите, мы свое слово сдержали. Что касается часов, то, к сожалению, ничего не получилось. Наш сотрудник категорически отрицает, что брал часы.

– Да ладно, нет базара! – сказал мой клиент. Он взял крест в руки, и широкая улыбка появилась на его лице. – Хорошо, что все обошлось, – сказал Сергей, когда мы покидали особняк. – Понимаешь, это для меня как талисман. – Он обратился ко мне на «ты».

В итоге – отставка

Прошло время, и многих потрясла еще одна неожиданная новость. Основные борцы с организованной преступностью генерал Лебедь и генерал Рушайло были отправлены в отставку. Лебедю были предъявлены претензии в создании незаконного формирования. В последнее время генерал Лебедь действительно настойчиво пропагандировал свои формы борьбы с организованной преступностью, много говорил о необходимости создания специального воинского подразделения, состоящего из бывших работников КГБ, МВД, не связанных с коррупцией. Подразделение условно должно было называться «Русский легион», в состав которого входило бы около пятидесяти тысяч человек. Не знаю, по каким причинам, но тут же последовала реакция тогдашнего министра внутренних дел Анатолия Куликова, который обвинил Александра Лебеда в попытке узурпировать власть, создать незаконное воинское формирование. Возможно, какие-то причины такого несогласия не стали достоянием гласности.

Однако спустя некоторое время после отставки Лебеда генерал Куликов также высказал идею создания специального подразделения по борьбе с организованной преступностью. Министра не поддержали, так как в недрах ФСБ и МВД существовали уже спецподразделения, в частности, Главное

управление по борьбе с организованной преступностью. Еще одно формирование, видимо, показалось руководству страны нецелесообразным.

Трудно сказать, с чем была связана отставка генерала Рушайло, однако московская братва не отнеслась к ней с большой радостью. Нет, не то чтобы генерала не боялись, отнюдь: и боялись, и очень уважали, может быть, чувствуя какую-то справедливость в его действиях. Но очень многие представители криминальных структур сожалели об отставке Рушайло.

Растерянность и недоумение в криминальных структурах возникли также и в конце 1997 года и были вызваны секретным письмом Анатолия Куликова о создании Координационной комиссии по оперативно-разыскной деятельности. До шока дело не дошло, но очень многие стали интересоваться, какие меры и инициативы предлагает Министерство внутренних дел по борьбе с организованной преступностью. Последовали звонки, встречи с просьбами поподробнее узнать об этом письме.

Когда мне стало известно содержание письма, то оказалось, что в нем нет ничего опасного. Речь шла о создании специального механизма или, иными словами, разведывательных подразделений, призванных собирать информацию об организованной преступности. В рядах правоведов эта идея вызвала диспут, что, дескать, не Министерство внутренних дел, а прокуратура призвана осуществлять надзор за

соблюдением законности, в том числе и за действиями органов внутренних дел.

Что ж, с организованной преступностью борются, и я бы сказал, всеми правдами и неправдами, хотя, между прочим, в законодательных актах понятие такое не фигурирует (но об этом я расскажу ниже). Так что наверняка резонно задать вопрос: а как родилась, в частности, в Москве организованная преступность? Как скрещиваются пути-дороги зарождающегося российского бизнеса с криминалитетом в обществе, есть ли между ними какая-то связь? Вопросы, пожалуй, в какой-то мере риторические, но о скрытой в них сути мне довелось узнать из первых рук.

Встреча в банке

Я приехал в один из московских банков, руководство которого просило меня провести экспертизу будущего контракта. В сопровождении охранника я поднялся к вице-президенту.

В просторном кабинете, обставленном дорогой импортной мебелью, за большим массивным столом сидел рослый мужчина лет тридцати – тридцати пяти, в дорогом двубортном костюме от Версаче и в очках с золотой оправой. Он изучал какие-то бумаги. Поздоровавшись, я сел за стол и хотел было уже изложить результаты правовой экспертизы контракта, как вдруг банкир спросил:

– А вы меня не узнаете?

Я оторвал взгляд от документов и внимательно посмотрел на него:

– Нет, не узнаю. Но лицо знакомо.

– Ну как же! Пять лет назад я был вашим клиентом. Помните дело о вымогательстве одной люберецкой бригады? – И он назвал свою фамилию.

Конечно же, я прекрасно помнил Леню К., авторитета одной из люберецких бригад, обвинявшейся в вымогательстве у коммерсанта денег, которые тот якобы задолжал другому коммерсанту. Тогда я удачно доказал, что факт вымогательства отсутствовал, а была инсценирована только попыт-

ка разговора как факт вымогательства. Моих подзащитных освободили из-под стражи, и дело было закрыто.

Леня К. предложил мне пересесть за журнальный столик и за чашкой кофе сказал:

– А я вот теперь банкиром стал.

– Как же это ты вдруг выбрал такую неожиданную для себя профессию?

– Все закономерно.

– То есть как? – удивился я.

– А что, мне всю жизнь нужно было оставаться откровенным бандюгой? – сказал Леня. – Время примитивного рэкета и откровенного криминала прошло...

– Выходит, произошел переход в легальный бизнес? – спросил я. – И ты из братвы превратился в коммерсанта?

– В общем, да.

– А как это произошло?

– Очень просто. Все началось с того, что... я стал рэкетиром. Помните, в 1987 году был принят закон о кооперации...

Беседа с Ленией К. у нас затянулась, он был словоохотлив и, казалось, вошел в азарт, посвящая меня в экономические азы раннего российского капитализма. В конце концов он рассмеялся и сказал:

– Ну и раскрутили вы меня! Исповедали!

Рэкетирское прошлое Лени К.

– Рижский рынок – это место, где собирались первые кооператоры, коммерсанты, которые предлагали нам шашлыки, самопальные джинсы, красивые экзотические наклейки разных фирм, карты Москвы с многочисленными магазинами и так далее. По выходным дням на этот рынок приезжало много зевак. Постепенно к рынку стали подъезжать и мы, ребята, которые жили в разных районах Москвы, прошли школу качков, спортсменов, уличной шпаны. Вот тогда впервые и возникли слова: «крыша», «наезд», «братва», «разводка», «стрелка», ну и прочие.

Первыми рэкетирами, которые осуществляли довольно грубый «наезд», были в общем-то простые ребята. Основными нашими учебниками были тогда видеофильмы, в основном про американскую или гонконгскую мафию, мы смотрели их в видеосалонах и набирались опыта.

– Но разве вы не знали, что зарубежная мафия в основном «наезжает» на тех предпринимателей, которые занимаются незаконным бизнесом, то есть торговлей наркотиками, проституцией, игорным бизнесом и так далее?

– Да мы, собственно, никакого различия в этом плане не делали, для нас главное был коммерсант, или лох, как мы его называли. Для этого мы и приезжали на Рижский рынок. А знаете, что родиной московского рэкета можно считать Риж-

ский рынок? Здесь и стали появляться те бригады, группы людей, а потом и известные группировки. Но тогда в основном были небольшие бригады, в которые входило от пяти до десяти человек. Приезжали и «бомбили» кооператоров, лотошников, первые киоски...

Леня вдруг поднялся с кресла, подошел к столу и достал из ящика несколько фотографий. Одну из них протянул мне: он стоял в окружении троих крепких парней. Все были в спортивных костюмах, имели довольно грозный вид.

– Вот посмотрите, это из летописи первых «наездов», храню как талисман, – сказал Леня. Он задумался и снова заговорил: – Знаете, все-таки относительно спокойное и мирное было время. Тогда на Рижском рынке зарождались и наши первые тусовки. Делить было пока нечего, не наступило еще время передела... Не было никаких заказных убийств, взрывов, автоматов, пистолетов, и если происходили какие-то разборки, то они заканчивались либо кулачными боями, либо в ход шли дубинки, бейсбольные биты и нунчаки. Хотя, впрочем, недалеко от Рижского рынка, на Маломосковской улице, у известного кафе – название я уже забыл – возник спор в отношении одного коммерсанта между, кажется, ребятами с Мазутки, в основном живущими на соседней улице Павла Корчагина, и, по-моему, останкинской братвой. Они в это кафе бросили несколько бутылок с зажигательной смесью. Но никто не пострадал, только помещение частично выгорело, а люди отделались легким испугом...

Леня вдруг умолк, я обернулся к двери. В кабинет вошел капитан милиции. Мысли в голове пронеслись малоприятные.

– Все нормально, – капитан обратился к Лене, – разрешение вам выдали.

– Хорошо, – сказал Леня, – поговорим позже. Вот видите, – обратился он ко мне, – кто у нас работает? Бывший мой опер из Люберец. Я его к нам в банк взял начальником охраны. Он ездил к своим за разрешением на оружие и специально надел форму.

– А скажи, – я попытался продолжить прерванный разговор, – как расширились границы, как ты говорил, родины рэкета? Ведь потом не только на Рижском рынке, а по всей Москве прошла волна рэкета. Писали уже о рэкетирском беспределе. Обыватели, которые рэкет и в глаза не видели, приходили в ужас, завидев парней крепкого телосложения в спортивных костюмах.

– Кстати, эти дурацкие самопальные «адидасовские» костюмы рэкетирсы сменили потом, к началу 90-х, на короткие полупальто, ходили с короткой стрижкой «под ноль». Но это была не просто мода, а как бы психологический прием воздействия на будущих наших потенциальных клиентов. Так вот, да, кооперативное движение развивалось, постепенно вышло с площади Рижского рынка. Были заняты улицы, площади, переулки, появились лотки, разные коммерческие структуры. В моде еще были видеосалоны, платные туалеты.

Вот тогда братва стала предлагать «крышу» коммерческим предприятиям. Много ходило разных мифов, и один из них я хочу развеять. Это миф о криминальной карте Москвы. Говорят, что все районы Москвы закреплены за теми группировками, которые в основном живут в этих районах. Например, Ленинский проспект считается почему-то закрепленным за солнцевской и ленинской группировками. На самом деле это далеко не так. Конечно, «право первой ночи» принадлежит тем, кто придет первым к коммерсанту. А у коммерсанта уже может быть своя «крыша». Тогда ему говорят: «Назови, с кем работаешь». Если возникает какое-либо подозрение, что нас обманывают, то мы через коммерсанта назначаем его «крыше» стрелку, на которой сразу определяется, является ли коммерсант свободным или он уже работает с кем-либо. Вот тогда и родился первый девиз братвы: «Нам чужого не нужно, а свое не отдадим». Так что утверждение, будто районы Москвы закреплены за какими-то определенными группировками, неверно. Один коммерсант может иметь «крышу» из четырех группировок, мне даже известен случай, когда один вещевой рынок держали семнадцать московских группировок, в разных долях конечно.

– Были у вас, наверное, какие-то подходы, приемы, чтобы установить отношения с коммерсантом, выйти на него? Как они на вас реагировали?

– У разных коммерсантов к нам отношение тоже было разное. Конечно, прибегали мы и к жестким формам «наезда».

Подъезжаем, говорим: «Давай плати, лох». И он платил. А те, кто не соглашался, подвергались прессингу. Благо учебные пособия у нас были хорошие, те же художественные кинофильмы. Были популярны паяльник и наручники, которыми мы пристегивали клиента к батарее. Случалось, вывозили его в лес или закрывали в подвале. После небольшой обработки клиенты соглашались платить. Платили обычно двадцать – тридцать процентов от прибыли.

Прекрасно помню, как я с моим двоюродным братом приехал в гости к одному мытищинскому авторитету. Он повел нас в свою загородную баню. Сидели мы с пацанами, парились, вдруг один из подручных авторитета к нам в парилку, в эту дикую жару, заталкивает парня в дубленке и меховой шапке и при этом говорит: «А теперь посиди и подумай, где достать тридцать тысяч». Такие методы тоже были, что говорить...

– Круто вы с ними обходились. Наверное, не брезговали обманом, хитростью, шантажом, а?

– Ну, вначале мы держали коммерсанта в строгости, иногда придирались к каждому слову. И действовали по принципу: за все нужно отвечать. Сказал не так – отвечай. А отвечали обычно деньгами. Затем была идея «развести» коммерсанта, урвать побольше, заложить кабанчика, то есть все, что он накопил, наработал, мы отнимали, ну, не мы, а другие бригады, – поправился мой собеседник. – Иногда какая-либо бригада инсценировала «наезд». Например, мы договарива-

лись с другой бригадой, чтобы та начала «наезжать» на коммерсанта. Тогда он нас вызывал, чтобы разобрались с другой бригадой. Ну, мы назначали стрелку, отправляли на нее двух-трех ребят. А через пару дней подвозили их, специально избитых, окровавленных, – таковы были правила нашей игры – к нему в офис и запускали. Входит наш парламентарий, весь окровавленный и избитый. Коммерсант в шоке. Тут подъезжаем мы: «Так, давай плати на восстановление здоровья, пострадали ребята по твоей милости». Платит. Затем новое условие: «Дай деньги на войну. Мы должны их наказать». Он дает нам десять тысяч, тридцать тысяч долларов – все зависит от того, насколько коммерсант богат. А потом мы с братвой из другой бригады на эти деньги либо в ресторане гуляли, либо куда-нибудь на курорт с телками уезжали отдыхать.

Выколачивание долгов

– Мне приходилось слышать, что со временем коммерсанты сами стали искать себе «крышу». Предпочитали «добровольно сдаться», наверное, не очень им хотелось иметь дело с непрошеными гостями...

– Бизнес, коммерция набирали силу. Многие коммерсанты стали понимать, что без нас, без наших охранных услуг им никуда не деться. Кроме того, у многих возникали проблемы с кредиторами и должниками. Вот тогда братва и взяла на себя, помимо охранного бизнеса, и функции выколачивания долгов, поиска тех, кто «кидал» наших коммерсантов.

Выколачивание долгов постепенно превратилось для нас в официальный бизнес, которым занимались практически все криминальные структуры. Да и не только они. Обычно представляют коммерсанта в окружении каких-то мордovorотов, с цепями на шее, они едут выбивать долги к другому коммерсанту. Но это тоже очередной миф...

– А как же это выглядело реально?

– В каждой уважающей себя крупной группировке имелась специальная бригада, она и занималась выколачиванием долгов, другими такими же «сервисными услугами». Бригада жила достаточно цивилизованно, у нее был официальный статус: более чем законопослушное охранное или сыскное предприятие с безупречной репутацией, со всеми необходи-

мыми разрешениями и лицензиями...

Кстати, во всей Москве прекрасно знали, что каждой группировке принадлежит свой охранный офис. Подробной информацией располагали и правоохранительные органы. Правда, криминала в этом не было, потому что принадлежность охранной фирмы к преступной группировке уголовно не наказуема, так же, как нет в нашем Уголовном кодексе и наказания за наличие бандитской «крыши».

– Ну а все-таки коммерсант обращался к вам напрямую или через посредников, по чьей-либо рекомендации?

– Коммерсант обращался в охранные фирмы по рекомендации своих знакомых коммерсантов, а может быть, даже и через представителей их «крыши». Он излагал суть своей проблемы, обязательно представлял какие-то документы. Причем мы не были юристами и не нуждались в документах, нотариально заверенных. Просто для нас необходима была их реальная доказательная сила, а также та четкая сумма, которую ему задолжал другой коммерсант. Или же нам надо было представить документы, подтверждающие, что наш коммерсант понес какие-либо убытки в результате деятельности другого коммерсанта. Как только документы попадали к нам в руки, начинался процесс выбивания долгов. Ну а на самом деле это выглядело таким образом: просто работники охранной фирмы, которая, так сказать, получила заказ, назначали стрелку своим коллегам из другой группировки, которые обеспечивали «крышу» должника, и проблема ре-

шалась путем спокойных, мирных переговоров. И «крыша» должника внушала затем своему подопечному, что долги надо отдавать.

– Неужели всегда удавалось договориться по-хорошему? Не возникали какие-нибудь трудности?

– Конечно, бывали случаи, когда «крыша» должника оказывалась круче «крыши» кредитора. Тогда работники последней извинялись перед своим коммерсантом и рекомендовали ему обратиться в другую, более мощную охранную структуру. Случалось, что «крыши» между собой сговаривались, и тогда происходила так называемая «разводка», то есть из обоих выбивали несуществующие долги. Со временем к этим приемам стали прибегать реже. Хотя, говорят, и до сих пор иногда еще практикуется такое.

Леня резко поднялся, подошел к окну и, помолчав, вдруг спросил:

– А вы никогда не задавались вопросом, почему коммерсант к нам обращается, чтобы вернуть свои деньги? А не в суд, не в арбитраж, не к вам, наконец, к адвокатам?

Да, вопрос больной и по существу. Ответил я не сразу.

– У нас худо-бедно как-то уже складываются новые экономические отношения, а судебная система все та же и новой экономике не соответствует. Прежде всего суды практически полностью устарели. Если даже после долгого, растянувшегося на годы процесса человек выигрывает дело, то ему еще предстоит получить деньги по выигранному делу. А

сейчас практически деградировала система судебных исполнителей. Проще говоря, решения арбитража или суда не исполняются по той причине, что у нас нет, как принято в европейских странах, системы долговых тюрем, системы опи­сания имущества и тому подобного. Поэтому коммерсант и вынужден обращаться к «крыше» за помощью. Но у вас, на­верное, более весомые аргументы, более неформальные ме­тоды общения с должником?

Телефонный звонок прервал наш разговор. Леня снял трубку. Речь шла о коммерческом проекте, о тех докумен­тах, которые я принес с собой. Когда он закончил говорить, я поинтересовался:

– Леня, а если не секрет, как же ты в конечном счете вы­бился в банкиры? После того, как уголовное дело против те­бя было прекращено, ты сразу занялся бизнесом?

Взлет банковского дела

– Нет, тогда завязать с криминалом я не мог. Механизм был уже раскручен. Была бригада, она не могла бросить дело. Но у нас назревали перемены. Постепенно открытый криминал кончался, многие из нас стали побогаче. Общак стали крутить, вкладывать в различные коммерческие проекты. Мы стали переходить на легальный бизнес. Конечно, у кого было мало интеллекта, кого коммерция не привлекала, те так и остались бандитами. Но большинство занялось бизнесом.

– Ну а как это практически получилось?

– Мы же все время общались с коммерсантами, и поэтому схема их коммерческой деятельности была знакома. Коммерсанты постоянно с нами советовались, боялись, как бы на чем-нибудь не споткнуться. А чем мы хуже их? Поэтому мы либо сами начинали заниматься коммерцией, либо нанимали толковых молодых ребят, менеджеров, чтобы они крутили наши деньги. Так и по сей день происходит. Вот я из любера и стал главой банка.

– А какова твоя роль, функции, обязанности во всей финансовой деятельности?

– Я пришел с деньгами нашей братвы, мы их вложили в банк. Одновременно я выступаю в качестве и учредителя, и смотрящего, чтобы деньги никто не расходовал, не воровал. Вначале я работал вице-президентом банка по собственной

безопасности. Но потом взял на это дело ребят помоложе и сейчас работаю на участке выдачи и получения кредитов.

– Иметь дело с кредитами, я думаю, не так-то просто, тут и промахнуться можно, тут и тебя, так сказать, «кинуть» могут...

– Вообще-то, конечно. Прежде чем дать кредит, мы «пробиваем» человека или организацию, подстраховываемся, встречаемся с его «крышей», требуем какие-либо гарантии. Бывает – «кидают», и не только нас. Вот приведу один только пример. Был в Москве несколько лет назад Антон Долгов, руководитель Московского городского банка. И в этот банк вложили деньги очень многие структуры, и коммерческие и преступные. В один прекрасный день Антон исчез с деньгами. Какой переполох поднялся в банке! Приехали и коммерсанты со своими «крышами», и РУОП с СОБРОм. Все толкуются в коридорах, суется, а сделать ничего не могут. Антон как в воду канул. До сих пор, говорят, его ищут за границей братва и правоохранительные органы. Ничего, рано или поздно найдут. Или вот еще, пожалуйста, вам пример. – Мой собеседник взял со стола свежий номер газеты «Коммерсантъ» и сказал: – Дело Григория Лернера. Кстати, я с ним лично встречался, он ко мне приходил. Вот пишут, что он замешан в хищении свыше двухсот миллионов долларов у Промстройбанка, Мосстройбанка, Межрегионального банка, Мострансбанка и Нефтяного банка. Одни говорят, что это так, другие отрицают факт хищения.

– Я слышал, что кредитные отношения в самих банках тоже сильно криминализированы. Известны случаи, когда какой-либо банкир выдает левые кредиты, то есть не ставит в известность своих учредителей, а поскольку выдает кредиты, не оформив соответствующие документы, то неожиданно исчезает. Потом его просто-напросто убирают.

Леня с пониманием закивал и как бы резюмировал:

– Все денежные средства, которые находятся под опекой криминальных структур, тщательно охраняются, на них практически посягательств не бывает. Вспомните дело подольской «Властилины». Я лично помню, что когда в Подольск возили чемоданами деньги, то ни одного случая нападения не произошло. А почему? Да потому, что люди прекрасно понимали, что «Властилина» находится под охраной криминальных структур, и никому даже в голову не приходило попытаться отнять эти деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.